

*Пономарев Николай Филиппович, кандидат филологических наук, доцент,
кафедра журналистики и массовых коммуникаций, Пермский государственный
национальный исследовательский университет*

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ФРЕЙМИНГ И КУЛЬТУРА СТРАХА

Аннотация: В статье демонстрируется значимость эмоциональной синхронизации политических акторов с целевыми группами с точки зрения эффективности коммуникативного побуждения к приемлемому поведению в актуальных ситуациях, а также эмоционального заражения внутри социальных агрегаций как стратегии регулирования массовых настроений. Особое внимание уделяется роли антрепренеров страха в медиа-амплификации социальных угроз.

Ключевые слова: аффективные сообщества, эмоциональная подгонка, антрепренеры страха, фольклорные дьяволы, социальная амплификация, культура страха.

Abstract: The article offers an explanation of fake news as relatively new and specific phenomena of media sphere in the postmodern era of cultural convergence. Fake news are considered as modern political artifacts, constructed and distributed by actors in close cooperation with influential media agents within the framework of the so-called deceptive communications. The author establishes genetic and instrumental connections of fakes with contexts and phenomena of the so-called post-truth, identifies basic cognitive factors and main sociopolitical consequences of fake news circulation, as well as analyzes variants of communicative opposition to fake media narratives in information warfare.

Keywords: affective communities, emotional entrainment, entrepreneurs of fear, folk devils, social amplification, culture of fear.

Ориентируясь на идею *политико-эмоционального нексуса*, политические акторы в собственных интересах конструируют (конденсируют) *аффективные сообщества*, участников которых объединяют сходные эмоциональные оценки конкретных проблем, субъектов или событий, либо разрушает уже существующие аффективные сообщества, либо изменяет доминирующую эмоциональную валентность, чтобы предотвратить прогнозируемые нежелательные последствия: «Она [общность чувства] может привести к политическим взрывам, локальному бунту, борьбе за хлеб, забастовке солидарности» [10].

В качестве традиционной стратегии *эмоциональной подгонки* как синхронной взаимной адаптации эмоциональных состояний используется *ритуализация* коммуникаций политических акторов с гражданами в ситуации подлинного или медиатизированного соприсутствия.

Успешный ритуал – это воплощенный *символический порядок*, который представляет собой не что иное как коллективное действие и эмоциональное сопереживание, способствующие неосознаваемому усвоению и/или закреплению участниками должных ценностей: «Посещая спортивные соревнования, переживая коллективную трагедию, празднуя победу на выборах или вступая в партию, мы узнаем, что чувства ‘заразительны’. Без нашего желания они заставляют нас действовать. Они распространяются среди агентов и помогают установить, что значит быть членом данного сообщества, предрасположенным к некоторым радостям, тревогам и страхам и реагирующими на потребности одних тел, а не других... Если мы убеждены (а мы должны), что значительная политическая работа выполняется порождением или поддержанием некоторых аффективных режимов (надежды, страха, смирения, отчаяния, любви, негодования), тогда что вытекает из этого для политической практики?» [3, с. 2].

Эмоциональный фрейминг, или эмоциональное заражение как «сознательная или бессознательная индукция эмоциональных состояний и поведенческих установок» [9, с. 50], в политической риторике реализуется с

помощью распространения мультимодального контента (предположительно) централизованного на желательных эмоциях.

Возможности эмоционального заражения резко выросли вместе с развитием цифровой экосистемы, в которой эмоции конвертируются в *цифровые записи*, и разные компоненты которой (локации, медиа, девайсы) обладают разной *аффективной пропускной способностью*. В аффективной экономике повсеместных и ежеминутных вычислений эмоции как любые другие данные объекты можно хранить, просматривать, сравнивать, совместно использовать. Соответственно, обострились риски вспышек стихийного протеста как минимум в онлайн: «Огромные демонстрации против жесткой экономии в разных странах, террористические атаки в крупных городах, массовый поток иммигрантов и беженцев из стран Ближнего Востока и Африки через Европу, рост как правого, так и левого популизма в разных частях мира, Брексит и вызывающее беспокойство усиление эхо-камер, пузырей фильтров, постправды и фейковых новостей (и это еще не всё) подчеркнули как мобилизующую силу эмоций, так и решающую роль медиа в динамике современной социальной и политической жизни» [8, с. 2031-2032]. В то же время не стоит преувеличивать вероятность конвертации любых медиа-акций в реальные действия. Например, кампания «Спасите Дарфур!» в Фейсбуке привлекла более миллиона медиа-юзеров, но большинство из них ни пожертвовали ни копейки.

Власть всё время манипулирует общественными *страхами* в собственных интересах, акцентируя внимание на уязвимости простых людей к множеству вездесущих угроз от беспорядков и бедствий: «Страх может быть привлекательным политическим инструментом для сокрытия мотивов, пробуждения иррациональных эмоций и мобилизации людей под флагом популистских завоеваний» [6, с. 241].

Какие-то из этих угроз, побуждающих граждан к подчинению власти в надежде на защиту, являются реальными, а какие-то намеренно создаются и/или усиливаются властью и ее союзниками: «Дирижирование страхами в обществе равносильно контролю над страхами. У каждой эпохи есть свои страхи, у

каждого правителя есть враги, каждый властитель сваливает вину на другого, и каждому гражданину это известно как пропаганда» [1, с. 17].

Страх, в конце концов, является одним из столпов власти: «Вся цель практической политики состоит в том, чтобы держать население в тревоге (и, следовательно, требовать, чтобы его привели к безопасности) бесконечной чередой жупелов, большинство из которых являются воображаемыми» [5]. Манипуляции коллективными страхами обеспечивают и государству, и корпорациям господство и контроль, поскольку «страх дает власть над [более] страшным» [2, с. 10].

У политиков есть стимул для *преувеличения* страхов.

Во-первых, они освобождены от ответственности за неправильные решения, поскольку могут переложить соответствующие издержки на 'козлов отпущения'.

Во-вторых, за недооценку угрозы и бездействие придется заплатить большую политическую цену, чем за ее переоценку, поскольку ущемление свобод можно объяснить безотлагательностью, а человеческие жертвы ничем оправдать нельзя.

Подыгрывая власти, новостные и развлекательные медиа не только наращивают собственный трафик, но и соучаствуют в коммерчески выгодных проектах вместе с другими *антрепренерами страха*: «Консультанты всякого рода тоже карабкаются на борт, поддерживая раздачу миллиардов долларов политическим любимцам-поставщикам липовых 'исследований' в толстых отчетах, большая часть которых является не чем иным, как бесполезным наполнителем с рефреймингом проблемы и спекуляциями о способах поиска работающих решений. Все выражают согласие с тем, что надвигается кризис и что необходимо провести еще больше таких исследований, чтобы подготовиться к его преодолению... В то же время правительство таким образом демонстрирует обществу, что оно 'что-то делает' для предотвращения надвигающегося кризиса X. На каждом этапе оппортунисты цепляются за существующие страхи и стремятся придумать новые, чтобы вить собственные гнезда» [4, с. 459].

Более того, поддерживая атмосферу искусно преувеличенных угроз и рисков, новостные медиа *вместе с* властью подготавливают почву для ужесточения финансовой политики, государственного регулирования и ограничения гражданских свобод: «Если мы когда-нибудь перестанем бояться самого правительства и фальшивых страхов, которые оно порождает, правительство съезжится и умрет, и исчезнет хозяин для десятков миллионов паразитов в Соединенных Штатах (не говоря уже об огромном количестве других в остальном мире), которые сейчас истощают общественное богатство и энергию прямо или косвенно с помощью государственной власти. В этот славный день каждый, кто жил за государственный счет, должен будет получить честную работу, а остальные, признавая правительство фальшивым богом (которым оно всегда и было) смогут приступить к тому, чтобы уменьшить оставшиеся страхи более продуктивным и нравственно оправданным способом» [4, с. 462-463].

Под надзором властей научные и технические эксперты, *моральные антрепренеры*, антрепренеры страха, общественные активисты и медиа-агенты осуществляют *социальную амплификацию рисков*, выявляя социальные угрозы, интерпретируя и медиатизируя рисковые события (включая обострения *проклятых проблем*, а также осуществляя *морализацию* участников и соучастников как *козлов отпущения* (в частности, как *фольклорных дьяволов в моральной панике* или как ‘невинных жертв’ или как ‘самоотверженных героев’: «Когда правительству не удастся обеспечить обещанную защиту, всегда находится хорошее оправдание – назначить козлами отпущения непопулярные этнические или религиозные меньшинства вроде торгашей и заимодавцев... В кризисной ситуации правительства в первую очередь заботятся о собственной защите, даже если придется пожертвовать защитой народа» [4, с. 454].

К сожалению, дискурс запугивания оказывается не только эффективным с точки зрения политических акторов, но и оправданным с точки зрения самих граждан: «Убежденные, что нам не хватает моральных или политических принципов, которые связывали бы нас вместе, мы смакуем переживание страха...

потому что только страх, как мы верим, может превратить нас из разрозненных мужчин и женщин в единый народ... Мы закрываем глаза на конфликты реального мира, которые превращают страх в инструмент политического правления и продвижения» [7, с. 3].

Библиографический список:

1. Altheide D.L. Creating fear: News and the construction of crisis. N.Y.: Aldine de Gruyter, 2002.
2. Bagus P., Peña-Ramos J.A., Sánchez-Bayón A. COVID-19 and the political economy of mass hysteria // International journal of environmental research and public health. 2021. Vol. 18 (1376).
3. Feola M. Fear and loathing in democratic times: Affect, citizenship and agency // Political studies. 2016. Vol. 64 (1S). P. 53-69.
4. Higgs R. Fear: The foundation of every government's power // Independent review. 2005. Vol. 10. P. 447-466.
5. Mencken H.L. Defense of women. Garden City: Garden City Publishing, 1922.
6. Mölder H. The culture of fear in international politics – a western-dominated international system and its extremist challenges // ENDC Proceedings. 2011. Vol. 14. P. 241-263.
7. Robin C. Fear: The history of a political idea. N.Y.: Oxford University Press, 2004.
8. Rosas O.V., Serrano-Puche J. News media and the emotional public sphere – Introduction // International journal of communication. 2018. Vol. 12. P. 2031-2039.
9. Schoenewolf G. Emotional contagion: Behavioral induction in individuals and groups // Modern psychoanalysis. 1990. Vol. 15. P. 49-61.
10. Маффесоли М. Околдованность мира, или Божественное социальное. М.: 1991. С. 274-283.